

Книги, журналы, газеты

БРАТ — ПИСАТЕЛЬ

Иван Бунин выпустил книжку “Воспоминания”, где во всю меру литературного своего таланта пытается облить всяческой грязью всех своих братьев писателей. Помните:

“Братя Писатели!

В нашей судьбе — что то лежит роковое”.

Легит. А иногда и бежит.

Пересказывать всю коллекцию бунинских разоблачений нет никакого смысла. Эта коллекция несколько напоминает мне рассказ эмигрантской писательницы Л. Рындиной (опять нехватка в русском языке — рассказ был устным, а не в печати). Л. Рындина во время своего побега с севера на юг, как то попала в цыганский табор. В таборе оказалось, что некоторые цыганки знают всех выдающихся людей России, — от министров до поэтов. Но знают их всех только по своей профессиональной линии: в более или менее пьяном виде. Нельзя было бы утверждать, что из выдающихся людей России никто не разделял бы нашего патристического лозунга о веселии Руси. Но все таки не одним этим характеризуются выдающиеся люди России. Бунинские воспоминания несколько напоминают эту цыганскую эрудицию. Но с некоторой поправкой на з л о б н о с т ь: в общем — все прохвосты, кроме самого Ив. Бунина. Кретины, пьяницы,

предатели и прочее в этом роде. Подготавливали большевизм, продавались большевикам... Словом — гнусь.

В истории нашей российской революционной интеллигенции гнуси, что там и говорить, — было достаточное количество. Однако, трудно было бы считать А. Блока просто “кретином” (на тему о Блоке предстоит некоторая полемика в “Нашей Стране”). Но можно было бы поставить вопрос и чуть чуть иначе.

Носитель снежно белых риз, Иван Бунин, начал свою литературную карьеру в газете Владимира Ленина “Новая Жизнь”. Собираясь кончить ее в Госиздате Иосифа Сталина, и это как то сорвалось. В “Возрождении”, тетрадь 16-ая, помещена “Маленькая поправка” г-жи Степановой-Мельгуновой, — жены редактора журнала. Она в том же журнале поместила весьма скептический отзыв о “Воспоминаниях”. И. Бунин в НРС раскрыл ее псевдоним — что, вообще говоря, никак не принято в приличном обществе. По этому поводу г-жа Мельгунова сообщает:

“И. А. Бунин вел переговоры с представителями полпредства о возвращении и об издании полного собрания сочинений своих”.

Я как то писал о том, что вся идеология И. Бунина точно и четко определяется высотой гонорара: ubi деньги, ibi patria.

судьба, которому в жесточайшей борьбе против своих врагов выпали задачи перебороть необычайные трудности, но у которого в прошлом не только одна грязь, не только одна кровь, не только царь-мучители, а и цари — национальные вожди. Не только одни Салтычихи, не только одни кабаки и пытки, а и много героического светлого, славные герои и среди царей и среди крестьян, и среди богатых и бедных, среди дворян и среди людей мысли. Когда мы освободимся от этого представления о нашем прошлом, навеянного революционными фанатиками, только тогда мы будем духовно готовы к построению национальной России после большевиков. Когда уйдут в прошлое глупые партийные вымыслы об отсталой невежественной России — тюрьме народов, все эти неумные партийные мифы, рассчитанные на умы людей не интересующихся своим прошлым, ни разу в жизни не пытавшихся проверить насколько правдивы все эти мифы, только тогда мы обеспечим национальное будущее.

Хороших людей много и среди эмигрантов и среди живущих в России. Но нет национальной идеологии, построенной на знании фактов и цифр, характеризующих национальное прошлое, а есть только нелепые вымыслы социальных утопистов, тупых, невежественных и злых, как все фанатики. Ни монархия, ни республика в послебольшевистской России не возможны до тех пор, пока национальная интеллигенция, а затем народ не взглянут на свое прошлое не сквозь партийные очки социальных фантазеров, а сквозь очки трезвых людей, желающих увидеть в своем национальном прошлом правду.

Послебольшевистская национальная Россия должна возникнуть в душе отдельных людей, а не в новых партийных программах. Невозможно

строить национальное государство, национальную жизнь, презирая и ненавидя свое национальное прошлое, видя в нем только кучу преступлений, совершенных порочными людьми. Только нравственное возрождение нации поможет нам создать национальную Россию. А нравственное возрождение нации возможно только тогда, когда она установит духовную связь с национальным прошлым, когда она снова начнет уважать своих предков. Символом, началом этого возрождения будет сооружение послебольшевистской Россией памятников в честь Царской Семьи, мученически погибшей за Россию, и памятника неизвестной жертве большевизма. Это будет символом того, что послебольшевистская Россия осознала грех предыдущих поколений, приведших страну к большевизму.

В послебольшевистской России может быть и республика, не обязательно монархия. Но только республика, национальная по форме, в которой будут стоять указанные выше памятники, показывающие, что вожди этой республики не партийные фанатики, не социальные утописты, а русские люди, восстановившие связь с национальным прошлым и уважающие это прошлое.

Если Вы считаете эти мысли заслуживающими внимания, если Вы считаете, что малое ежедневное добро важнее большого добра, делаемого раз в жизни, то каждый день хотя бы одному человеку расскажите о том, что здесь написано. С этого момента Вы становитесь членом Братства, борющегося за национальную Россию. Если Вы найдете людей, хотя бы несколько, готовых для этой духовной войны — это и будут новые члены Братства.

С искренним приветом
уважающий Вас

Б. Башилов.

Насчет полного собрания сочинений торговаться не удалось. Обидно. Почему это Алексею Толстому большевики заплатили, а Ивану Бунину заплатить не пожелали? Обиженный до мозга костей, Иван Бунин совсем уж собрался было, в отместку Госиздату, возглавить антикоммунистическое движение эмиграции — да и тут как то тоже не захотели платить. Если бы не скупость Госиздата, издал бы он полное “собрание сочинений”, и пел бы Иван Бунин песни свои “За Родину, за Сталина”. Ибо, где деньги, там и родина. Неправда ли — какое благородство характера!

И. С.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Я как-то писал: наша великая и бескровная — это для Е. Кусковой ее собственное детище. И как бы ни ствратительно оно было, как бы ни было оно пропитано злобой и сифилисом, оно все-таки остается е е детищем. Но даже и я все-таки не ожидал, чтобы товарищ — она же мадам — договорилась бы до таких вещей.

“Что сделала с Россией революция? — дала ли она ей здоровый сильный класс собирателей материальной культуры? — Дала. В совершенно невероятных, почти нечеловеческих условиях Россия строит.. Возьмем один пример, разительный: лагеря принудительных работ. Оставим пока их зверский облик, их сатанинскую растрату человеческого материала. Поставим вопрос так, как он может стоять практически и как нередко ставят его иностранцы: нужны ли были работы именно на окраинах России, часто в вечной мерзлоте и в климатах убийственных? — Нужны (подчеркнуто Кусковой). И нужны они для того, чтобы добывать те материальные ценности, которых не так уже много в России”. (“Новое Русское Слово, № 14.325”).

Не будем уж говорить о том, что “невероятные, почти нечеловеческие условия” созданы именно революцией, — до революции их ведь не было. Не будем вспоминать о десятках и десятках миллионов людей России, умирающих медленной смертью в “климатах убийственных”, при убийственном питании и в убийственных условиях, — что Кусковой до этих миллионов. У нее есть собственный плод любви несчастной. Не будем говорить и о том, что “бесстыдству тоже мера есть, — нет никакой меры. Ибо если лагеря н у ж н ы, то, конечно, нужен и режим террора и пыток, который эти лагеря сооружает и поддерживает. Словом, все так. д е т и щ е — отвратное и воющее, но все-таки свое.

Эмиграция, новая эмиграция, должна помнить и запомнить много, в том числе и Е. Кускову. Вероятно, вспомнит о ее заслугах и советская власть и даст ей что-то вроде чина “почетной чекистки”: мало кто принес ей, этой власти, больше пользы за границей, чем Е. Кускова и ее почтенный супруг проф. Прокопович. Но мы, те люди, которые в этих лагерях сидели с а м и, мы этого Кусковой не забудем

и не простим.

И. С.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
“НАШУ СТРАНУ”.

ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ

Издательское дело в Зарубежьи почти не сдвинулось еще с мертвой точки. Причины этого лежат в материальной слабости, как самих издательств, так и покупательной способности все еще расселяющейся массы “перемещенных лиц”, но, как это показывают выходящие периодические издания — не в отсутствии творческой работы в среде этой массы. В силу этого, теперь уже можно и должно говорить о наиболее крупных беллетристических произведениях, появляющихся в зарубежных русских журналах.

К числу их безусловно относится законченная печатанием в “Гранях” “Девушка из бункера” Л. Ржевского. Автор не только беллетрист, но и литературный критик, уже выступивший с рядом глубоких, продуманных статей. Это дает право предъявить к нему повышенные требования, не как к дебютанту, но как к зрелому, оформившемуся литератору, и Л. Ржевский отвечает на них четкой конструкцией фабулы, ее “отчищенностью” от отвлечений и длиннот, ясностью характеристик персонажей. Видно, что он строг к себе, и литературная работа для него не случайность, но жизненная цель.

Но основная ценность его повести в ее правдивости и объективности. Л. Ржевский сумел подойти к своим героям без предвзятого желания окрасить их в черный или белый цвет. Это и помогло ему разрешить трудную задачу: показать с о в р е м е н н о е преломление “тургеневской девушки”, дать его вне условных стилистических приемов, чего не смог сделать со своей героиней С. Максимов (“Денис Бушуев”).

Л. Ржевский дал образ своей Натальи в очень простом, не осложненном драматической декоративностью рисунке и именно в силу этого смог правдиво и жизненно показать ее духовное “зерно”, не нарушая внешней правдивости облика обычной комсомолки.

Фабула повести развернута им на столь близком еще нам фоне быта, оккупированной зоны России и лагерей военнопленных. В отделке деталей этого фона Л. Ржевский сумел сохранить ту же объективную правдивость, избежав трафаретного, к сожалению, для безлари изображения немцев “бренбурговскими Фрицами” и русских — поголовными ходовыми страстотерпцами. Он бросает темные и светлые мазки на обе стороны, и в этом та же правда.

Глубоко драматичная для нас проблема сочетания “пораженчества” и любви к Родине автором не разрешена. Он коснулся ее лишь поверхностно, отдельными разорванными между собой мазками. Видимо, он и не ставил разрешение ее своей целью. Быть может, он глубже к ней подойдет в продолжении повести, возможность которого заставляет предполагать финал напечатанного, обещающего “неизвестное завтра”.

В части языка Л. Ржевского можно упрекнуть в стремлении к неоправданной “новизне”, толкающем его к вычурности и манерности. “Прогосаные небесные обочины”, “взлизнулось” и т. п. не обогащают языка новыми образами, но загромождают и лишь осложняют его, не повышая художественной ценности эпитета.

Б. Ш.